

ГЛАВА 1

Партизанский отряд «За Родину» потерял за две недели больше половины своих бойцов. Карательные операции фашистов следовали одна за другой. Две базы отряда в лесах на Орловщине были разгромлены. Партизаны спали на земле, голодали. Зайти в любое село означало подвергнуть его жителей смертельной опасности. Каратели убивали всех, сжигали дома при малейшем подозрении, что жители помогали партизанам. В леса фашисты бросили не только свои регулярные части, но и отряды украинских националистов. И зачастую те вели себя более жестоко, чем немцы. Волна зверских расправ прокатилась по партизанским районам.

Почти постоянно в небе, если позволяли погодные условия, висели немецкие самолеты-разведчики. Двигаться приходилось ночью. Вчера отряд выдержал многочасовой бой

с карателями, уничтожив более роты автоматчиков, и вырвался из плотного кольца оккупантов.

Командир отряда Никифор Свиридов подгонял своих бойцов, подбадривал раненых. Потеряв руку во время боев еще в 1919 году, Свиридов в первый же день фашистского нападения на Советский Союз пришел в военкомат и попросил направить его хотя бы на инструкторскую работу. А когда враг подошел к Орловщине, Никифор начал собирать партизанский отряд, создавать в лесах военные базы. Сейчас, осунувшийся, небритый, он то шел впереди отряда, то пропускал мимо себя колонну, всматриваясь в лица смертельно уставших партизан. Главное — не терять силу духа, понимал командир.

Многие мужики были из этих мест, куда сейчас выходил отряд. Из этих сел. Многие тревожились за своих родных и близких.

Когда справа над лесом стал заметен черный смолистый дым, к Никифору подбежали двое молодых бойцов — два брата Симоненко.

— Никифор, — старший брат Степан схватил Свиридова за локоть, — там наше село Новоникольское горит!

— Нельзя, хлопцы, — покачал головой командир. — Сами же знаете, что нельзя нам! Остановитесь, Степан, Пантелей!

— А на кой черт мы вообще воюем? — зарорал младший Симоненко и сорвал с плеча автомат. — Баб, детишек своих, матерей защищать собрались, а что получается?

— Вы в отряд вступили, значит, должны соблюдать приказы, — нахмурился Никифор, понимая, что накалилось у ребят внутри ненавистью до такой степени: спичку поднеси — и загорится.

— Внутри у меня приказ! — Степан рванул рубаху так, что полетели пуговицы. — И у Пантюхи тоже! За свой двор, за родных своих сражаться пошли, так что не гневи бога, командир! Не жить нам, если с ними что случилось. Незачем!

Отряд остановился, слушая горячий разговор братьев с командиром. Никто не вмешивался, никто не проронил ни слова, понимали, что творится у ребят в душе. Старик-отец, большая мать. У старшего брата там жена, у младшего — невеста. У многих в душе было так же темно, у многих сердце сейчас было переполнено болью. Бойцы садились на привал, снимали с плеч тяжелые ящики с боеприпасами. А Сте-

пан и Пантелей Симоненко уходили через лес в сторону горевшего села.

Трое бойцов из тех, кто пришел в отряд еще осенью 1941 года, собрались возле командира.

— Пропадут Симоненко, — угрюмо сказал один из ветеранов.

— Негоже так, Никифор. Сколько раз вместе смерти в глаза смотрели. Так и отпустим?

Командир посмотрел вслед братьям, которые уже скрылись за деревьями. Правы старые товарищи, ох, правы. Не все решается простой арифметикой, холодным приказом. Да только и о других думать должен командир, о тех, кто с ним рядом, с кем еще воевать и воевать. И Москва требует активных действий, Центральный штаб партизанского движения помогал и оружием, и снаряжением. А тут такое происходит. По всем лесам гитлеровцы взялись зверствовать. Ни с чем не считаются: ни с потерями, ни с трудностями. От Орла и Курска до Брянска и Смоленска идут жаркие партизанские бои с врагом.

Никифор приказал отряду отдыхать, выставить охранение, а сам с десятком партизан двинулся лесом к селу. Стрельбы не было слышно, и от этого все тягостнее становилось на душе.

На опушке партизаны остановились. Некогда утопавшее в зелени садов село почернело от гари и дыма. Много хат сгорело дотла, на их месте сейчас торчали черные печные трубы, валялись обугленные бревна. Поникшие яблони с потемневшей листвой, изрытые гусеницами военной техники улицы, поваленные заборы и оторванные калитки. В переулке и на околице валялось несколько пристреленных собак. И — ни одной живой человеческой души, ни крика птицы, ни голоса домашнего животного.

Перебегая от дома к дому, от забора к забору, партизаны двинулись через село, поглядывая по сторонам, чутко прислушиваясь. Кругом гробовая тишина...

Братьев Симоненко нашли у одного из домов. Они стояли, опустив головы. По щекам молодых сильных парней катились слезы. Беззвучно. Ходили ходуном побелевшие желваки.

Никифор подошел ближе, от увиденного у него похолодело внутри. Это была обычная картофельная яма. Многие в селах так хранили заготовленный на зиму картофель. Сейчас в ней лежали изуродованные тела женщин и детей. Опытные бойцы сразу поняли, что тут происходило. Жители села прятались в этих ямах

от карателей, но те находили их. Бросали в ямы гранаты и шли дальше.

Партизаны разошлись по селу. Каратели давно ушли, живых в селе никого не осталось. В домах лежали тела, прошитые автоматными очередями, во дворах валялись убитые собаки. Два мертвых старика с вилами в руках. Видимо, в отчаянии хотели защитить свои дома, но были безжалостно застрелены.

— Никифор, следы от колес ведут в сторону Алексеевки, — раздался голос Степана Симоненко. Братья все еще стояли, спокойные и мрачные. — Если напрямки через болото, можно поспеть. Мы вдвоем пойдем.

— Степа... — Командир покачал головой, вглядываясь в почерневшие, безжизненные глаза парней и ужасаясь тому, что не видит в них ничего, кроме смерти. — Степа, Пантюша, не гоже так. Жить надо, бить врага надо.

— Прощайте, хлопцы. — Степан повернулся и пошел через село к лесу. За ним, молча забросив автомат на плечо, двинулся Пантелей.

Свиридов долго смотрел вслед ребятам, потом обвел взглядом уничтоженное село и проговорил:

— За все, гады, ответить придется — за смерти женщин и детей, за сожженные дома,

за порушенное счастье народа! За все. Придем мы к вам и тогда посчитаемся. Ох, тяжело же вам будет, ох, тяжело...

Братья Симоненко хорошо знали окрестности. Хорошо знали и болото, которое на картах было помечено как непроходимое. Мокрые по пояс, они выбрались на сухое и принялись стягивать сапоги, выливать из них воду, отжимать портянки. И вдруг услышали стрельбу — били из немецких «Шмайсеров». Не сговариваясь, оба быстро натянули обувь, схватили автоматы и побежали через чахлый лесок в сторону села.

У самой околицы уже слышны были крики, выли бабы, сухо били автоматные очереди, лай собак превращался в истошный скулеж. Потянуло гарью, в нескольких местах в небо взметнулись огненные языки.

Пантелей бросился к крайней хате, буквально у входа во двор столкнулся с дюжим немецким солдатом. Сильным ударом партизан отбросил в сторону направленный на него ствол «Шмайсера» и схватил немца за горло. Они упали на землю, борьба была недолгой. Симоненко с такой силой сжал горло врага, что шейные позвонки хрустнули, лицо фашиста покраснело, он задергался и вскоре затих. Поднявшись на негнущихся от напряжения ногах, партизан

пошел к дереву, где на сучке висело окровавленное детское тельце, подвешенное за рубашонку. Обезумевшими глазами Пантелей долго смотрел на мертвого младенца, потом снял его с дерева и осторожно положил на траву.

Попятился, ощупывая себя: гранаты в кармане, запасные магазины к автомату, нож на поясе в ножнах. Он вышел со двора и пошел по улице. Немцев было много. Они сновали из двора во двор, стреляли, тащили за рога коров, ловили свиней и кур.

И тогда партизан начал поливать свинцом. Хладнокровно, короткими очередями он расстреливал опешивших от неожиданности фашистов. Менял опустевшие магазины и снова стрелял.

Пуля попала ему в руку чуть выше локтя, Пантелей поморщился от жгучей боли и достал гранаты. Одна полетела во двор, где разметала несколько солдат, вторая — вдоль улицы. Третью гранату Пантелей бросить не успел. Пули прошили грудь, он повалился лицом в дорожную пыль. Пальцы разжались, и граната покати­лась по дороге.

Подбежавшие немецкие солдаты слишком поздно ее заметили. Даже мертвый, Пантелей Симоненко продолжал убивать врагов.

Степан прожил немного дольше брата. Расстреляв все патроны и разбросав гранаты, он взобрался в бронетранспортер, отпихнул ногой убитого немца и развернул на врага пулемет. Степан уже расстрелял почти всю ленту, когда пуля угодила ему в лицо.

А вдоль улицы валялись сраженные им враги. Много врагов.

Машенька была удивительной девушкой. Митьков это понял сразу, едва только впервые столкнулся с ней в метро на эскалаторе. Он, как всегда, торопился, сбегал по ступеням вниз, когда девушка в ярком желтом берете вдруг выронила книжки прямо ему под ноги.

— Ой, простите, — галантно воскликнул Митьков и наклонился помочь.

Александр Блок, сказки Пушкина... Он с трепетом поднял книги и протянул девушке, взглянув в ее глаза цвета глубокой бездонной синевы. Даже налет легкого негодования в ответном взгляде не смутил молодого человека.

— Поэзия? В такое время? — улыбнулся Митьков.

— Для поэзии, для настоящей литературы всегда подходящее время, — строго заметила девушка, окинув взглядом высокого, стройно-

го, симпатичного молодого человека. — Вы же не хотите сказать, что Блок или Пушкин неуместны в военное время?

Они встретились на следующий вечер и долго гуляли по Александровскому саду. Машенька оказалась учительницей и очень хорошо умела рассказывать. Митьков слушал ее голос, улыбался вдохновенным интонациям и украдкой любовался девичьим профилем. А потом был еще вечер вместе и еще. И эта поездка на Воронцовские пруды. Май был просто удивительным, теплым и ярким. Казалось, что война далеко-далеко и что в столицу вернулась прежняя мирная жизнь. И только аэростаты и прожекторы в ночном небе, только очереди у хлебных магазинов и ночные патрули напоминали, что до мира еще далеко.

Они шли по темной улице, Митьков накинул пиджак на плечи Машеньки. А в переулке, где было совсем темно, девушка вдруг испуганно прижалась к своему спутнику. И это было так мило, доверчиво и непосредственно, что Митьков сразу расправил плечи, почувствовав себя защитником и опорой. Он остановился, прошептал что-то успокаивающее. А потом прижал девушку к кирпичной стене темной подворотни и стал целовать — нежно и осто-

рожно, как будто боялся испугнуть ее чувства, как боялся испугнуть птенца, пушистого и еще не оперившегося.

— Ой, кто это?

Машенька оторвалась от горячих губ Митькова и, вцепившись в его рубашку, тревожно посмотрела куда-то в сторону.

— Ну что ты, глупая, — тихо засмеялся Митьков, прислушиваясь к голосам. — Не бойся!

Голоса были мужские, и интонации были знакомые. Блатной говорок, словечки «по фене». Где-то совсем рядом.

Митьков разглядел неподалеку отдушину подвала — небольшая труба с решеткой у разрушенной стены. То, что он услышал, заставило нахмуриться и сжаться в комок. Банда, явно немаленькая, намеревалась грабить какой-то магазин или склад. Бандиты ждали машину, на которой должны были ехать на место.

Сколько их там? Митьков отстранился от девушки и стал прислушиваться. Машенька удивленно и немного обиженно смотрела на молодого человека.

— Сивый, — властно прозвучал в подвале голос, похоже, главаря. — Ты с Хрипатым из машины носа не кажи, пока шухер не начнет-ся или пока я сам не махну тебе рукой, тогда

подъезжай. Если мусора нагрянут, отвлечешь, как я говорил. Машину — в сторону Покровского монастыря, сами рвете на хазу, и ни звука там. Мухомор, тебе на шухере стоять возле артельной мастерской. Не забудь бутылку веселую! Чуть что — артельщикам в окно. Полыхнет так — всей Таганке светло будет. Не до нас мусорам станет!

— Покровский монастырь, — прошептал Митьков. — Таганка... Точно, есть там артельная мастерская! Столярничают мужики, мебель делают, утварь разную. Там опилок и стружки и правда столько, что вывозить не успевают. Если мастерскую подожгут, сгорит половина улицы. Значит, грабить будут универмаг на Таганке. Угол Таганской и Ванюшинского переулка. Голос главаря знакомый. Хотя все они, уголовники, похожи.

— Ты что? — Машенька попыталась вырваться из рук молодого человека, но Митьков взял ее за плечи и чуть встряхнул.

— Маша, слушай меня, — строго заговорил Митьков. — Слушай и сделай, как я прошу. Иначе люди погибнут! Понимаешь?

— Не понимаю! О чем ты?

— Голоса вон оттуда, ты же сама слышала. Бандиты там. Нападение готовят на универмаг.

Они не церемонятся. Убьют сторожа, постового милиционера, любого свидетеля зарежут, лишь бы концы спрятать и скрыться. Помогите мне, Машенька, прошу тебя!

— О господи! — испуганно прошептала девушка и побледнела. Это было заметно даже в темноте.

— Маша, беги, милая! — торопливо зашептал Митьков. — Два квартала отсюда — там отделение милиции. Скажи, что сама слышала: мол, бандиты в подвале совещаются, собираются ограбить универмаг на углу Таганки и Ванюшинского. Сюда, скажи, пусть не едут, сразу мчатся на перехват.

— А ты? — Глаза девушки блеснули в темноте тревогой.

— Задержу, сделаю, что смогу. Да беги же ты! Машенька кивнула, решительно вытерла слезы и исчезла за углом дома.

Через какое-то время послышался рокот полуторки. Поскрипывал расшатанный кузов.

«Все, сейчас они сядут в машину и уедут. Правильно я решил, что сюда милицию звать бесполезно, — с удовлетворением подумал Митьков. — Не успеть им. А как успеть мне? Пустая улица, темная подворотня. И нигде не спрятаться. Даже за машину тайком не подце-

питься, потому что в кузове тоже будут бандиты. Многовато их — судя по голосам, человек шесть или восемь».

Выход один — рискнуть. Есть шанс, что не захотят бандиты шум поднимать. Лишь бы поверили, что он свой!

Где-то рядом в подвале затопали по деревянной лестнице сапоги. Банда поднималась наверх, к машине.

Митьков достал из внутреннего кармана пиджака удостоверение личности и сунул его за голенище сапога. Затем вытащил из-за ремня пистолет и взвел курок. Выйдя из подворотни на ночную улицу, осмотрелся. Ни прохожих, ни машин. И небо на горизонте светлеет.

Обойдя машину со стороны проезжей части, Митьков рывком открыл дверь водителя. Щуплый остроносый парень, в замызганной кепке, с трехдневной неопрятной щетиной, уже держал в руке монтировку — заметил чужака в зеркале. Но когда в лицо ему глянуло дуло «ТТ», замер и прошептал непослушными губами:

— Ты чего, землячок? Попутал меня с кем?

— Мои землячки далеко, — процедил сквозь зубы Митьков, копируя блатную манеру. — Рыпнешься — дырку в лобешнике сде-